

Е. А. АЙБАБИНА (Сыктывкар)

НАИМЕНОВАНИЯ ВОДЯНОГО ДУХА-ХОЗЯИНА В ДИАЛЕКТАХ КОМИ-ЗЫРЯНСКОГО ЯЗЫКА

Abstract. Designations of the Water Sprite (Water Host) in the Dialects of Komi-Zyrian

In this article, a variety of mythonyms, including more than two dozens of nominating units (separate lexemes and compound names), is studied from an onomasiological point of view. Thus it became possible to identify the feature relevant for native speakers in the nomination of one of the chief spirits connected to natural space. Among the strategies of naming the water sprite (Russ. *водяной*) euphemism plays a significant role. The main mechanisms of euphemization consist in the application of borrowings, lexemes that appeal to the external characteristics of the mythological character, and also those pointing to the locus of the demon. The main sources for the research were dialect dictionaries of Komi-Zyrian, publications on Komi mythology and folklore. Data from lexicographic sources of other Finno-Ugric languages and etymological dictionaries were also applied.

Keywords: Komi dialectal vocabulary, Permic languages, mythonyms, water sprite, Russian, principles of nomination.

1. Введение

В традиционном мировоззрении зырян, народа, хозяйственные занятия которого в течение многих столетий были тесно связаны с лесом и водной стихией, духи-хозяева леса и воды доминировали в иерархии пантеона низших мифологических божеств (Конаков 1996 : 51).

Исследованием образа водяного в коми мифологии занимались преимущественно фольклористы и этнографы У. Хольмберг (Holmberg 1913; Хольмберг 1998), Ф. В. Плесовский (1972), И. А. Плосков (1984), Н. Д. Конаков (1996) и др. Что касается языкового материала, то до настоящего времени осуществлялись лишь фрагментарные, главным образом этимологические изыскания в данной области (КЭСК 41, 47, 145, 412; UEW 173—174). Детально формирование образа демона и развитие значений его мифонима *куль* рассмотрены Г. В. Федюновой (2020).

В данной статье обозначенный круг мифонимов, включающий более двух десятков номинативных единиц (с учетом фонетических и морфо-

логических вариантов), исследуется в ономаσιологическом аспекте, что позволяет выявить актуальные для носителя языка признаки мифических существ, отраженные в их названиях. Среди анализируемых наименований представлены отдельные лексемы и составные двухкомпонентные единицы. Основным источником для исследования послужили диалектные словари коми-зырянского языка, статьи по мифологии коми. Привлекались также данные фольклорных сборников, лексикографических источников других финно-угорских языков, этимологических словарей.

2. Однокомпонентные наименования

2.1. Односложное наименование

1) *Куль* (вв., вс., вым., лл., печ., сс.). Среди наименований водяного это наиболее древний мифоним. По мнению Ф. В. Плесовского, «*куль* первоначально означал рыбу, затем хозяина рыб озер и рек, позже *куль* стал антропоморфным властелином водной стихии вообще» (Плесовский 1972 : 38). В КЭСК отмечается генетическое родство рассматриваемой лексической единицы с удмуртским словом *кыль*, имеющим в современном языке значение 'зараза, заразная болезнь', а также 'злой дух, приносящий тяжелую болезнь'. Предполагаемая общепермская праформа — **kul'* 'злой дух' < ф.-у. **kolja* 'böser Geist (злой дух)' (КЭСК 145, 412; УРС 374; UEW 173—174; MSzFE 243). В коми мифологии *куль* именуется как нижнего темного демиурга, так и водяного духа, образ которого сформировался «в результате семантической контаминации собственно коми *куля* — властелина подземного мира мертвых — с русскими водными персонажами низшей мифологии» (Федюнева 2020 : 181).

В верхнесысольском диалекте зафиксировано устойчивое выражение, в котором отражена одна из особенностей предполагаемого внешнего облика водяного духа: *куль кодь ва* 'насквозь мокрый (букв. мокрый как водяной)' (СДКЯ 2012 : 765).

В настоящее время данная лексическая единица в коми-зырянском и коми-пермяцком языках именуется также черта и в этом значении, как его аналог в русском языке, используется и как пейоратив (Цыпанов 2021 : 92).

2.2. Производные наименования

2.2.1. Номинация по месту обитания

1) *Васа* (вв., нв., скр., сс., уд.). В большинстве наименований водяного акцентируется его локативная характеристика. Наиболее широкое распространение в диалектах имеет номинативная единица *васа*, образованная от существительного *ва* 'вода', 'река' с помощью продуктивного словообразовательного суффикса прилагательных *-са*. Лексема *васа*, первоначально относительное прилагательное со значением 'водный, водяной', перешла в разряд существительных со значением 'водяной' (мифологический персонаж) и как самостоятельное прилагательное в коми

языке не функционирует. Тем не менее, в составе словосочетаний, номинирующих водяного, как атрибутивный компонент *васа* имеет значение 'водяной (живущий/обитающий в воде)', например, *васа куль* (вс. Койгородок) (букв. 'водяной черт').

В литературе отмечалось, что в образах водяных духов (имеется в виду внешний облик, назначение) у зырян обнаруживается русское влияние, да и наименование *васа* является «буквальным переводом русского *водяной*» (Хольмберг 1998 : 107—108). У коми-пермяков есть аналогичный мифоним *ваись*, образованный от существительного *ва* 'вода', 'река' с помощью малопродуктивного суффикса прилагательных *-ись* со значением 'относящийся к такому-то месту' (КПРС 1985 : 52, 53, 604).

2) *Вау в са* (вв. Вольдино, уд.), *вау са* (уд.), *вауу са* (иж.). Наименование, зафиксированное в нескольких фонетических вариантах, представляет собой субстантиват с буквальным значением 'подводный'. В устойчивом выражении *ваувса кодь* букв. 'как водяной', записанном на верхней Вычегде, имплицитно содержится характеристика нравственного облика водяного: оно используется по отношению к хитрому человеку (СДКЯ 2012 : 163).

3) *Ты са* (сс.), *шор са* (сс.). По верованиям коми-зырян, водяной дух обитает в глубоких местах — в реках и озерах, но появиться может в любом водоеме (Хольмберг 1998 : 105). На Сысоле зафиксированы наименования водяного с конкретизированным местом обитания: *тыса* (букв. 'озерный') и *шорса* (букв. 'ручейный'), образованные с помощью упомянутого суффикса *-са* от существительных, соответственно, *ты* 'озеро' и *шор* 'ручей'. В коми-пермяцком языке также имеется наименование *тыись вакуль* букв. 'озерный водяной'. В вепсском языке одно из названий водяного *jarvenijand* (букв. 'озера хозяин') (СВЯ 1972 : 155).

2.2.2. Номинация по внешнему виду

1) *Чукля* (уд.). Табуистическое обозначение водяного *чукля* 'кривой, искривленный' зафиксировано на Удоре. В специальной литературе неоднократно отмечалось, что идея кривизны, увечности, которую транслируют некоторые наименования мифологических персонажей, релевантна для образа нечистой силы (Березович, Сурикова 2020 : 18; Голева 2011 : 94). И в русских народных говорах есть демоны, созданные на этой мотивационной основе, например, диалектные *кривой*, *кривой вражонок* 'черт' (СРНГ 1970 : 185; Березович, Сурикова 2020 : 18). В удорском диалекте мифоним *чукля* именуется также черта и вообще нечистую силу (СДКЯ 2014 : 736). Н. С. Коровина отмечает, что образ водяного на Удоре контаминирован с образом дьявола, отсюда и его описание в нарративах, словно заимствованное из духовных книг старообрядцев, в которых относится к дьяволу: *Чукляыс зэв съдд, кокъясыс кузьбсь, ачыс кос, юрыс кузь, ыджыд. Кор лэптыяс, весь пуйь ваис, тшын петö* 'Водяной (чукля) весь черный, ноги длинные, сам тощий, голова длинная, большая. Когда всплывает, вода аж кипит, дым идет' (МП 399, 598).

3. Составные наименования

3. 1. Наименования, образованные по модели «водяной черт»

1) *Вакуль* (вс.), *васакуль* (вс. Койгородок), *вабес* (вым. Кони, лл. Прокопьевка), *васабес* (нв., скр.), *вабраг* (вв. Нившера), *васётана* (нв.). Эти составные обозначения водяного содержат атрибутивные компоненты *ва* 'вода; водяной', *васа* 'водяной', указывающие на место обитания демона. В качестве основного слова представлено *куль* 'черт' или его дублиеты. Среди дублиетов наименования *куль* в значении 'черт' в номинативных единицах, имеющих водяного, встречаются также *бес*, *сётана*, *браг* (< рус. *враг* 'дьявол, сатана'), заимствованные из русских народных говоров (ТС 1978 : 258) и фактически являющиеся эвфемистическими заменами *куль*. По наблюдениям исследователей, для контактных территорий использование заимствований становится одним из механизмов табуирования (Березович, Сурикова 2020 : 11).

В коми-пермяцком языке также зафиксированы наименования *вакуль*, *вабес* (Голева 2011 : 100). Наименование водяного, образованное по модели 'водяной черт', зафиксировано и в марийском языке: *вј́дия/вё́диа* (< *вј́д/вё́д* 'вода' + *ия/иа* 'черт, дьявол') (СМЯ 1990 : 321). В русской мифологии также имеются демони́мы, прямо указывающие на принадлежность хозяина вод к нечистой силе: *водяной дьявол*, *черт* (Мадлевская 2005 : 72).

В коми языке выражение *васа бес кодь морт* (букв. 'человек как водяной') используется по отношению к некрасивому человеку (Цыпанов 2021 : 33).

3.2. Наименования, образованные по модели «водяной обитатель/ дух»

1) *Ваоліся* (вв. Мыёлдино), *ваолысь* (лл. Гурьевка), *ваолыся* (печ. Подчерье), *васаолысь* (печ. Покча). Приведенные мифонимы, зафиксированные в верхневьчегодском, лузско-летском, печорском диалектах, содержат компонент, также представляющий собой эвфемистическую замену прямого наименования нечистой силы. Лексема *олысь* (и фонетический вариант *олісь*) по сути является формой причастия настоящего времени от глагола *овны/олны* 'жить' и имеет буквальное значение 'живущий, житель, обитатель'. На его базе в верхнесыольском, ижемском и печорском диалектах появилось значение 'домовой'. С тем же значением зафиксированы и номинативные единицы *олыся* (вв. Усть-Кулом, вым. Кони, нв., печ., скр., сс.) и *оліся* (вв., уд.), образованные присоединением суффикса *-а* без изменения значения основы (СДКЯ 2012 : 1072). Мифонимы этого ряда имеют внутреннюю форму 'тот, кто обитает где-либо' → 'дух, обитающий где-либо' → 'дух-хозяин места обитания'.

В удмуртском языке зафиксировано наименование водяного *вупери* 'водяной дух', компонент которого *пери* 'злой дух' имеет иранское происхождение (УРС 145, 522). По той же модели образованы и венгерское и финское наименования водяного, соответственно, *vízi szellem* и *vedenhaltija* (OMSz 48; БФРС 721, 91). Идентичная модель использована также марийцами: *вј́д йрт* ('воды дух') (Устьянцев 2020 : 126).

Следует отметить, что некоторые из рассмотренных мифонимов номинируют не только хозяина вод, но и обитающее в воде существо женского пола. Так, мифический персонаж, именуемый *васа* (*вауса*, *ва/васа олысь*), в мужской ипостаси предстает как хозяин подводного мира, в женской синонимичен образу русалки: *Ва о л ы с ь м и ч а ю р с и а*, *пуксьома ю берегас и сынасьо* (лл. Летка) 'Водяница с красивыми волосами уселась на берегу реки и расчесывает их'; *Кор вöчöмaсь мельничасö, в а с а о л ы с ь ы с Нёб юас корöма мельникыслысь медыджыд нывсö* (вв. Нёбдино) 'Когда построили мельницу, водяной хозяин реки Нёб попросил у мельника старшую дочь' (МП 396, 399).

3. 3 . Использование номинативной модели «водяная бука / нечисть»

1) *Ва б у б и л я* (вв. Воч). Лексическая единица *бубиля* (*бубуля* (скр.), *бубуня* (сс.), *бубыля* (печ., скр.)) 'бука' номинирует нечистую силу с функцией запугивания. В верхневычегодском диалекте *бубиля* служит и для именованья домового (Конаков 1996 : 99). Учитывая семантическую диффузность наименований демонов, следует отметить, что немаловажным компонентом этой номинативной единицы является именно атрибут *ва*, подчеркивающий место обитания нечистой силы.

3. 4. Наименования, характеризующие внешний облик водяного

1) *Ва в у ж ь я* (уд.), *ва в у ж л я* (вв.), *ба д ь в у ж ь я* (вв.). Одним из эвфемистических способов выражения понятия «водяной» является наличие лексических единиц, апеллирующих к внешним характеристикам этого мифологического персонажа.

Среди обозначений водяного в удорском и верхневычегодском диалектах зафиксированы номинативные единицы, которые содержат во внутренней форме указание на то, что водяной может принимать вид коряги: *ва ву ж ь я* (уд.), *ва ву ж л я* (вв. — букв. 'водяная коряга'), *ба д ь ву ж ь я* (вв. — букв. 'ивовая коряга'). Водяной дух, воплотившийся в корягу, в верхневычегодском, ижемском и печорском диалектах называется *к о к о р а* < рус. *кокоря* 'коряга' (МК 1999 : 88; СРНГ 1978 : 93; Конаков 1996 : 75).

Следует отметить, что в коми-зырянских диалектах зафиксировано мало лексических единиц, именующих водяного на основе приписываемых ему внешних признаков. Это отличает их от имен хозяина леса, которые дают более детальное представление о внешнем облике лешего. Так, из названий лешего следует, что у него круглые глаза (печ. *кольча син*), высокий рост (лл., скр., сс., *кузь* букв. 'длинный'), рога (скр. сс. *сюра* букв. 'с рогами'), маленькие пальцы (уд. *пони чуня*), большие ноги, так как носит большую обувь (лл. *ыджыд кöма* букв. 'в большой обуви') (Конаков 1996 : 52; Лыткин 1972 : 116).

В коми-пермяцком языке наименования водяного хозяина более информативны относительно внешнего облика: *кузьюрсиа* (букв. 'длинноволосый'), *гöна-морт* (букв. 'мохнатый человек') (Голева 2011 : 100; МКПД 2020 : 19).

Примечательно, что в фольклоре коми народа хозяин воды имеет разнообразные и вполне конкретные внешние воплощения. Он пред-

стает то в человеческом облике (мужчина или старик высокого роста с длинными волосами или бородой), то в образе рыбы (щуки), то в антропо-зооморфном облике человека с рыбьим хвостом (МК 99). Имеются упоминания о том, что коми-зыряне представляли водяного в образе четвероногого лохматого животного (Хольмберг 1998 : 105), неодушевленного предмета (Конаков 1996 : 75). Не очень большое разнообразие моделей номинации водяного, по-видимому, связано с тем, что, как отмечает Е. Е. Левкиевская (2006 : 188), в процессе эволюции мифологических сюжетов специфические черты мифологических персонажей редуцируются, большее значение приобретают универсальные признаки нечистой силы (2006 : 188).

5. Некоторые отличия наименований водяного в коми-зырянском и других пермских языках

Среди коми-зырянских наименований водяного не зафиксированы обозначения, образованные с использованием модели эвфемизации, реализующей задабривание водяного духа именами, имеющими отношение к человеку. Это отличает обозначения водяного от названий лешего, в которых основной частью ряда составных наименований являются термины родства: *вӧр пӧль* (лл. Поруб — букв. 'лесной дедушка/старик'), *вӧр дядьӧ* (лл. Читаево — букв. 'лесной дядя') и др. В коми-пермяцком и удмуртском языках такие примеры зафиксированы: комиП *ваись морт*, удм. *вумурт* букв. 'водяной человек'. Марийцы называют водяного *вӱд кугыза* 'водяной старик' (Устьянцев 2020 : 124).

Статус водяного как мифологического хозяина не нашел отражения в коми наименованиях, тогда как в удмуртском мифониме *ву кузё*, в марийских наименованиях демона *вӱд оза* букв. 'воды хозяин', *вӱд он* букв. 'воды владыка' подчеркивается его статус хозяина вод (РУС 1 : 151; Устьянцев 2020 : 126).

В коми-зырянском языке не зафиксированы наименования водяного по действиям, совершаемым нечистой силой. У коми-пермяков одно из названий водяного — *сорваись* 'путальщик', которое, по мнению Т. Г. Голевой (2011 : 88), восходит к слову *сорлавны* 'мешать' и обозначает того, кто мутит воду и в результате появляются водовороты.

6. Заключение

Наименования водяного в диалектах коми языка выдерживают наиболее распространенный принцип номинации демона по месту обитания — в водных объектах. Для хозяина вод это наиболее существенный признак, позволяющий выделить среди других демонов. По большей части рассматриваемые однокомпонентные названия представляют собой словообразовательные дериваты от географических терминов (*васа*, *тыса*, *шорса*). Составные атрибутивные номинативные единицы в качестве основного компонента имени демона содержат наименование черта или его дублиеты (*куль*, *бес*, *сӧтана*), подчеркивающие принадлежность к нечистой силе. Большинство рассмотренных двухкомпонентных названий содержат локативные характеристики (*ва*, *васа*). Используются различные эвфемистические способы выражения поня-

тия «водяной». Основным механизмом эвфемизации является использование заимствованных слов, лексем, апеллирующих к внешним характеристикам мифологического персонажа, а также указывающих на локус демона.

В других пермских языках зафиксированы более разнообразные модели номинации хозяина вод, в которых выделяются иные признаки.

Acknowledgements. The publication costs of this article were covered by the Estonian Academy of Sciences.

Address

Evgenia Aibabina

Institute of Language, Literature and History of the Komi Research Centre (Syktyvkar)

E-mail: aibabina.evgenya@yandex.ru

Сокращения

вв. — верхневычегодский; **вс.** — верхнесыольский; **вым.** — вымский; **иж.** — ижемский; **лл.** — лузско-летский; **нв.** — нижневычегодский; **печ.** — печорский; **скр.** — присыктывкарский; **сс.** — среднесыольский; **уд.** — удорский.

БФРС — И. Вахрос, А. Щербаков, Большой финско-русский словарь, Москва 2006; **ВСД** — Т. И. Жилина, Верхнесыольский диалект коми языка, Москва 1975; **КПРС** — Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман, Коми-пермяцко — русский словарь, Москва 1985; **КРК** — Л. М. Безносилова, Е. А. Айбабина, Р. И. Коснырева, Коми-роч кывчукор. Коми-русский словарь, Сыктывкар 2000; **МК** — Энциклопедия уральских мифологий I. Мифология коми, Москва 1999; **МКПД** — Материалы по коми-пермяцкой демонологии, Пермь 2020; **МП** — Му пуксьом, Сыктывкар 2005; **РУС** — Русско-удмуртский словарь 1–2, Ижевск 2019; **СВЯ** — М. И. Зайцева, М. И. Муллонен, Словарь вепского языка, Ленинград 1972; **СДКЯ** — Л. М. Безносилова, Е. А. Айбабина, Н. К. Забоева, Р. И. Коснырева, Словарь диалектов коми языка 1–2, Сыктывкар 2012–2014; **СМЯ** — Словарь марийского языка I, Йошкар-Ола 1990; **СРНГ 1970** — Словарь русских народных говоров 5, Ленинград; **СРНГ 1978** — Словарь русских народных говоров 14, Ленинград; **ТС 1978** — В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка 1, Москва; **УРС** — Удмуртско-русский словарь, Ижевск 2008; **OMSz** — L. Gáldi, P. Uzonyi, Orosz-magyar szótár, Budapest 2000.

ЛИТЕРАТУРА

- Березович Е. Л., Сурикова О. Д. 2020, Наименования нечистой силы в русских проклятиях. — Вестник Томского государственного университета. Филология, № 67, 5–27.
- Голева Т. Г. 2011, Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков, Санкт-Петербург.
- Конаков Н. Д. 1996, Традиционное мировоззрение народов коми. Окружающий мир. Пространство и время, Сыктывкар.
- Левкиевская Е. Е. 2006, Прагматика мифологического текста. — Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста, Москва, 150–213.
- Лыткин В. И. 1972, Материалы по коми диалектологическому словарю. — Коми филология, Сыктывкар (Труды Института языка, литературы и истории. Вып. 14), 110–120.

- Мадлевская Е. Л. 2005, Русская мифология. Энциклопедия, Москва.
- Плесовский Ф. В. 1972, Космогонические мифы коми и удмуртов. — Этнография и фольклор коми, Сыктывкар (Труды Института языка, литературы и истории. Вып. 13), 32—45
- Плосков И. А. 1984, Названия мифических персонажей коми фольклора. — Вопросы лексикологии и словообразования коми языка, Сыктывкар (Труды Института языка, литературы и истории. Вып. 31), 130—147.
- Устьянцев Г. Ю. 2020, «Там девушки тонут, говорят, что там водяной черт их утаскивает». Страх в фольклорных нарративах о воде. — Фольклор и антропология города. Т. III, № 1—2, 122—131.
- Федюнева Г. В. 2020, Коми мифоним *куль* 'чёрт' в контексте этноисторических контактов на европейском северо-востоке России и в Зауралье. — Вестник угроведения. Т. 10, № 1, 178—186.
- Хольмберг У. 1998, Водяные божества зырян. — Арт, № 1, Сыктывкар, 104—113.
- Цыпанов Е. А. 2021, Коми видчанкывъяс: зэв аслыссикас кывкуд, Сыктывкар.
- Holmberg, U. 1913, Die Wassergottheiten der finnisch-ugrischen Völker, Helsinki (MSFOu 32).

JEVGENIA AIBABINA (Söktövkär)

SÜRJAKOMI MURRETE VETEVAIMUNIMETUSED

Sürjakomi keeles on vetevaimu (*куль*) nimetamisel märkimisväärne osa eufemismidel. Need viitavad vetevaimu välistele tunnustele või ta elupaigale (vesi, järv, oja).